

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №20 ГАЗЕТА

Лидия Сычёва / Последние женихи

Лидия Сычёва

Родилась в селе Скрипниково Калачеевского района Воронежской области в крестьянской семье. Окончила истфак Воронежского пединститута и факультет прозы Литинститута. Дебютировала с «Деревенскими рассказами» в 1998 году в журнале «Новый мир». Автор книг «Предчувствие», «Вдвоём», «Уже и большие замуж повыходили», «Три власти», «Мёд жизни», «Мы всё ещё русские», «Последний блокпост», «Русь в ожидании варягов», «Дорога поэта», «Природа русского образа», «Время Бояна» и других.

Творчество Лидии Сычёвой отмечено Всероссийскими и Международными наградами. Среди них — Большая литературная премия Союза писателей России, премии имени Александра Невского, Антона Дельвига, Андрея Платонова «Умное сердце», премия «Югра». Проза переведена на арабский, болгарский, китайский и немецкий языки.

«Лидия Сычёва — верный ученик русской классики», — пишет в журнале «Наш современник» критик Мария Бушуева. Воспринимая классику как образец, писательница отличается смелостью в постановке темы, самобытностью языка, пластичностью слова. В рассказах и повестях Лидии Сычёвой — живое дыхание времени. Она верит в литературу, в торжество художественности и любви.

«Вече»: серия «Новая империя»

Издательство «Вече» приступило к выпуску историко-публицистической серии «НОВАЯ ИМПЕРИЯ». Мотивация этого проекта: России, вступающей в новую эру развития, нужна надежная идейная опора. В серии намечено издавать как публицистику, так и исторические труды.

Уже вышли в свет книги «Новые времена и старые герои» Святослава РЫБА-СА, «Александр Проханов-ловец истории» Михаила КИЛЬДЯШОВА, «Мы всё ещё русские. Наш ответ на вызовы времени» Лидии СЫЧЁВОЙ. К нашему удовлетворению, все они авторитетные авторы и «Роман-газеты».

Отрывок из публицистического сборника Л. Сычёвой мы предлагаем читателю.

Лидия Сычёва

Из книги «Мы всё ещё русские»

Чувственное оскудение человека очень выгодно для нынешних управителей земной жизни. Всё чаще раздаются голоса, что Земля перенаселена, что грядет эпоха роботов, что с избытком «лишних людей» нужно что-то делать. Умерщвлению тел по новейшим теориям должно предшествовать умерщвление душ, и тогда свехчеловеки будут с полным правом распоряжаться судьбой недочеловеков. Поскольку людей, превратившихся в «биороботов» («маску»), рациональней заменить обычными роботами — меньше хлопот и дешевле обслуживание.

Обеднение чувственного мира происходит и через видеобраз, который навязывается извне — «транслятором».

Участие самого человека в восприятии телевизионной «Анны Карениной» (в отличие от чтения романа) мизерно. Хотя здесь ещё возможны «тормоза» — остаточные школьные знания. Но видеобразы давно уже вышли из-под опеки литературы — целая галерея зомби, инопланетных существ, супергероев — рождена Голливудом и правит духовным миром западной цивилизации (и России в том числе).

Нет, я не про то, что «нужно развивать отечественное кино» (это всё равно, что покупать лыжи парализованному). Стержень русской культуры — слово, а его вершина — поэзия. Чувства наполняют слова. Слова наполняют чувства. Неуважение к языку — неуважение к народу. Но народы в грядущем цар-

стве технологий — не нужны. Во всяком случае, участия россиян на этом празднике «постжизни» не запланировано.

Слово — язык — народ. Если этот стержень ломается, то с людьми надломленными, отчуждёнными, можно делать всё, что угодно. Веник, разобранный на прутики, не метёт. Дело времени и технологии — перемолоть индивидуальности на прах, не обращая внимания на вскрики о «правах человека».

Обесчувственное, мёртвое слово всегда мстит человеку за преданный дар. Лживое слово убивает, искажая пафос. Пропаганда бесполезна — она «косметология трупа». Пропаганда нужна там, где правят мумии. Правда о самих себе для них невыносима. Ду-

Окончание см. на 3 стр. обложки.

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:

Дмитрий Белюкин
Семен Борзунов
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат

ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2020
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные
индексы издания:

в каталоге агентства
«Роспечать»

70782 на полугодие,
71752 на год;

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П11526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2020 №20 /1865/ Основана в 1927 г.

Лидия Сычёва

Последние женихи

Рассказы

Судьбой назначенный

Когда отцветающая сирень пахнет полынью, когда липы на бульварах смыкаются кронами, а дорожки парка «Динамо» на ладонь заметены тополиным пухом, тогда они и встретились.

Саша Темников спешил с вокзала домой. В «парадке», в накрамлённых ботинках, с черным кожаным «дипломатом», который он то и дело перекладывал из руки в руку. Чувства сплелись в клубок: надежда, боль, ожидание, тревога. Какой стала теперь Лена? Что они скажут друг другу?

Она увидела солдата издали, и, хотя знала, что это не мог быть Саша — ему служить ещё две недели, сердце её, тревожно ёкнув, вдруг забилося лихорадочно, быстро. Лена шла к свекрови, несла свадебные фото. Снимками она осталась недовольна, хотя Олейчук позвал во Дворец бракосочетаний лучшего мастера в городе.

Да, прекрасно вышли платье, пелерина, фата и розы, отлично сидел костюм на женихе, а уж галстук она завязала ему узлом, который подсмотрела в иностранных журналах. Респектабельны и солидны гости, торжественно-значительна дама, что их регистрировала. Здорово был пойман момент обмена кольцами. Бокалы с пузырьками шампанского, традиционный, торжественно-церемонный поцелуй.

Лена замечательно красива на свадебных фото, а Олейчук смотрелся барином, денди. Но всё же ей казалось, что у неё неуверенный, виноватый вид, а Эдик, напротив, слишком самодовольный, победительный.

«Нет, не Саша», — успокоилась она. Солдат был чуть выше ростом, чуть тоньше в талии, чуть шире в плечах. Он шёл четким, уверенным шагом. Вот она уже различает черты лица...

«Саша!»

Она замерла, не в силах пошевелиться.

«Как могло так совпасть?!»

Досада, стыд, жалость к себе, жалость к нему, страх (вдруг кто-то из знакомых увидит!), ужас, смутнение — она стояла, прижав сумочку с фотографиями к груди, будто боялась, что их отнимут.

Сотни, тысячи раз он потом возвращался к мигу их встречи. И удивлялся внезапной зоркости, которая вдруг посетила его. Он увидел будто бы всё сразу — и настоящее, и прошлое. Саша мгновенно, будто владел чудо-фотоаппаратом, запечатлел и её растерянность, и тонкое обручальное колечко, и припухшее лицо, и полные груди, к которым она прижимала дурацкую бело-серую сумку (из неё торчал большой

плотный конверт), и чуть раздавшееся вширь тело, и непривычно, слишком «по-женски» подведенные глаза, и её новую блузку с легкомысленными воланами, и юбку-колокольчик (голубую), и босоножки — простые, белые. Он остро ощутил её чуждость, отстраненность. И смутное видение мелькнуло в сознании — невнятная, согбенная фигурка воришки, крадущегося вдоль глухой стены.

«Она будет несчастна».

Он будто читал книгу жизни, видел страницу с уже предначертанной судьбой.

Всё, что он так тщательно готовил для решающего разговора, теперь не годилось.

«Как же так, Лена?»

Она увидела вопрос в его глазах. Это был не упрёк, не сожаление, не гнев, не отчаяние. Изумление! Она словно оказалась перед всевидящим судьей и с ужасом почувствовала, как что-то надломилось в мире, изменилось, треснуло, что ход её жизни нехорошо повернулся.

Ответить было нечего. И тогда она поспешила переложить вину на него. Она — изменница, но виноват — он!

Два года назад, когда Сашу забирали в армию после первого курса института, да, она обещала ждать, сидела рядом на проводах, смущаясь пристальных взглядов его родителей, родни. И очень долго Лена аккуратно писала письма, прилежно училась, даже в кино выбиралась нехотя.

А жизнь, единственная, проходила мимо!..

Саше тоже досталось: он попал в Афганистан выполнять «интернациональный долг». Но при чём тут Лена?! Саше просто не повезло.

Шли месяцы. Их поцелуи, мечты, всё, что было прежде дорого, уплывало в туман прошлого, в дымку неопределенности.

Зато Олейчук стал реальностью. Если ему что-то нравилось, Эдик брал, не спрашивая, не рассуждая, сменяя сопротивление, и считал, что так и должно. Может, она тоже желала решительности разбитного старшекурсника?! А ещё — шикарных букетов, щедрых подарков, походов в дорогие рестораны. Хотя... Не в этом дело! Просто ей стало жаль своей молодой жизни. Надоело сидеть взаперти непонятно ради чего.

Весь рой доказательств, оправданий, раскладов, объяснений вихрем пронесся в её сознании. И всё получалось логично, когда она прежде рассуждала сама с собой («ах, нехорошо всё-таки с Сашей вышло!» — об этом она тоже думала и морщилась от неловкости); но теперь, когда они так неожиданно-негаданно столкнулись («будто подстроил кто!»), все аргументы рушились. Перед ней стоял не скромный юноша с чистыми, акварельными чертами лица, которого она помнила, а молодой мужчина, собранный, требовательный. Глаза его, большие, страдающие, смотрели на неё с изумлённым, будто бы даже прощающим сочувствием.

И вдруг всё, что так радовало, что доставляло столько волнений — упоение страстью, свадьба,

крики «Горько!», привязанность к Олейчуку — всё показалось чужим, ошибочным.

«Зачем я за него вышла?!

Ощущение ужасной беды на миг захватило Лену. Плечи её опустились.

Она ждала, что Саша что-то скажет и тогда, как за соломинку, она ухватится — за любые его слова, и — спасётся, «выплывет».

Саша молчал.

Ничего нельзя было изменить!

Он ещё раз внимательно и долго посмотрел в её лицо. Нет, он не мог в ней ошибиться! Это всё равно, что ошибиться в самом себе! Точно так, как тайфун, ураган, пожар или песчаная буря ударяют по налаженной жизни, так и в их отношения вторглось что-то роковое, ужасное.

«А как же любовь?»

Кончики его больших, чувственных губ дрогнули. В горле пересохло.

«Только бы не оглянуться! Только бы не оглянуться!»

Он шагал прямо, механически, холодный пот капился из-под фуражки. Он чувствовал, как взмокла спина под кителем.

«Прощай, прощай», — в висках стучали вразнобой молоточки.

Она долго смотрела ему вслед.

«Надо бы ему что-то сказать... Хотя бы извиниться, что ли...»

Может, и хорошо, что они сразу встретились! Ничего не надо объяснять. А жить надо — легко. У Эдика всегда всё в ажуре.

«Трезвость — норма жизни» — гласил плакат на гастрономе. Улыбчивые рабочий и работница, одетые в комбинезоны, стояли у станка, и, наверное, лидировали в социалистическом соревновании.

У Саши в дипломате были две бутылки «Пшеничной» — дефицитный товар в пору антиалкогольной кампании. В укромном местечке, за магазином, он выпил полбутылки. Потом ещё. Хмель не брал, волны ожесточения поднимались в нём и тяжело падали. Сердце кричало.

Он допил натошак бутылку и, наверное, разрыдался бы от жалости к себе, если бы не два «колдыря», вынырнувшие из-за кустов. Мужики искали, чем полечиться. Он отдал им без сожаления вторую бутылку и, качаясь от горя, побрёл домой.

Когда Лена перестала отвечать, он сразу заподозрил неладное. Пометавшись несколько дней в неведении, он написал старосте их группы, общительной хохлушке по прозвищу «Галя-всё-знает». В письме аккуратно спрашивал: не случилось ли что с Леной? Не заболела ли она?

Староста мгновенно внесла ясность. Галя-всё-знает рубила сплеча: «Темников, невеста твоя сбежала к другому и собирается замуж. Не жалея, всё к лучшему — не ты первый, не ты последний. Перестань бомбить Назарову письмами, она их даже не

читает. Деканат тебя ждёт, возвращайся. Будь мужчиной. Не куксись!»

Нет, он не верил, что такое возможно. «Лена дождись меня приму любое твоё решение люблю тебя всегда». — Темников отправил из Термеза срочную телеграмму.

Он демобилизовался раньше (в счет отпуска) и, пока добирался на перекладных до родного города, много раз представлял себе их встречу, объяснение. Проигрывал разные варианты: от спасительного до катастрофического. Но всё оказалось проще, обыденней.

На следующий день Саша не сразу понял, где он: узкая мягкая тахта, стеллажи с книгами во всю стену, пение птиц, тополь тянет ветку в открытое окно. Дома! Какое же счастье — быть дома!

Но тут же он вспомнил вчерашнюю встречу с Леной и, чтобы сдержать стон боли, закусил край наволочки. Жгучие слёзы побежали по щекам.

Мужчины не плачут?.. Тело его сотрясалось от рыданий. «Боженька, я не смогу без неё жить!»

Сознание рвалось. Тошнота подкатывала цунами. «Смерть, лучше смерть», — просила она. Боль была невыносима.

Над пациенткой склонился хирург — в шапочке, очках, маске, раздвинул ей пальцами веки, чтобы увидеть мутный, огромный зрачок.

Ассистент скороговоркой докладывал:

— Елена Антоновна Олейчук, тридцать лет, группа крови — вторая положительная. В результате ДТП — резаные раны лица и кистей рук, переломы костей лицевого черепа, перелом левой ключицы со смещением, перелом пятого и шестого ребра справа, закрытый перелом бедра...

Пыточные клещи боли, кажется, отпускали её, и нечеловеческое страдание замещалось гулкой чугунной тяжестью. Лена попыталась подать голос, но провалилась в глубокую яму наркотического сна.

Она очнулась через сутки в реанимационной палате, в гипсе, вместо головы — белый кокон с прорезями для глаз и рта.

Первым её словом было:

— Марик...

И — счастье: у сына, он был на заднем сиденье, ни одной царапины! У Олейчука — только два синяка. Муж ехал на встречу к банкиру, она попросила подбросить их до школы. Эдик всегда нарушал правила, и всё ему сходило с рук. Но не в этот раз! Уходя от лобового столкновения, Олейчук крутанул руль, подставив под удар Лену.

Красавица «Ауди» разбита в хлам. Лена — тоже.

Полгода она пролежала в областной больнице. Консилиумы, операции, врачи, перевязки. Хирурги по кусочкам собирали её лицо.

Увидев первый раз себя в зеркале, Лена потеряла сознание.

«Лучше бы я умерла!»

Люди с такой внешностью не имеют права на жизнь, они — её оскорбление.

— Мама, я тебя боюсь, — плакал Марик. (Его наконец-то пустили к матери.)

— Жуть! — сказал Олейчук. — Лена, прости, я женился на красавице, а не на урожке.

Она и опомниться не успела, как оказалась разведенкой без алиментов — официально Эдик нигде не работал.

Она осталась один на один с судьбой. Родители, подкошенные её несчастьями, тихо сошли в могилу: сначала мать, потом отец. Денег не было — все сбережения утекли на взятки врачам, на знахарей и гипнотизёров (к ним она тоже кидалась в отчаянии), на дорогие лекарства.

Ничего не помогало!

Олейчук быстро утешился — вскоре после развода он стал счастливым отцом в новом браке. О первой семье вспоминал дважды в год — на день рождения Марика и 1-го сентября, подкидывая немного денег.

Уборщица в гостинице — потолок её карьеры. Да и туда взяли по знакомству, из жалости. Помогли бывшие однокурсники, а Галя-всё-знает даже организовала сбор денег, когда ей было совсем худо.

Они жили с Мариком в двухкомнатной родительской квартире, дом был добротный, в центре города. Отец Лены когда-то работал инженером на оборонном заводе (предприятие давно закрыли, из цехов вывезли оборудование на металлолом, а корпуса теперь сдавали под склады). С балкона открывался вид на пологий склон, ведущий к реке. Раньше он был застроен частным сектором, теперь здесь появились жилые высотки, дворцы богачей, причудливые офисные здания. Кое-где ещё держалась старина — милые домишки с вишнёвыми садами, палисадники из штакетника, крохотные огородики.

Она решила обновить комнату Марику, оклеить её новыми обоями, выбросить хлам. Разбирая старый книжный шкаф, Лена наткнулась на тугой газетный свёрток, спрятанный за собранием сочинений Моэма.

Это были письма Саши Темникова. Несколько конвертов не распечатано.

Она сидела на тонком узорном ковре, с душевной болью перебирая постаревшие тетрадные страницы с мелкими, чёткими буквами.

«Милая моя, единственная, несравненная, любимая Леночка!»

А вот Олейчук никогда не говорил таких слов. Он ей внушал, что красивые чувства — глупости. Что телячьи нежности — вредны. Жизнь — жесткая, в ней надо урвать кусок. Дело надо делать, а не болтать!

«Когда выпадает свободная минута, я сразу же думаю о тебе. Ночью я мечтаю, как мы будем гулять в парке «Динамо». Все будут завидовать нашему счастью. Знаешь, о чем я ещё думаю? Какой красивой была бы жизнь, если бы все любили друг друга так, как мы с тобой!»

Отцу сразу не понравился Олейчук, с первого взгляда. Она подслушала разговор с матерью: «Не верю я ему! Мутный он, ненадежный». А Лена думала по-другому: красавец, спортсмен! Хозяйственный, родители богатые. А Саша — слишком добрый. Непрактичный.

В институт Темников после армии не вернулся. Кто-то рассказывал: Саша уехал на Севера, на заработки.

Теперь, наверное, у него всё хорошо: жена, дети, работа... Как растревожили её эти старые, наивные письма!

«Лена, что бы ни случилось с тобой, знай: всегда и везде, пока я жив, я буду любить и помогать тебе».

Всю ночь она не спала. То садилась на кровать, то подходила к окну, смотрела вниз, на пустой кусок асфальта под фонарём. Закрывала и открывала створку окна. Пришла на кухню, заварила чай. Да так и сидела над невыпитой чашкой, невидяще глядя в стену.

Зачем она погубила свою жизнь?!

Олейчук предал её, бросил. Так ведь и она предала Сашу!..

Тяжесть этой ночи, беспричинная тревога не ушли ни завтра, ни послезавтра.

А тут ещё Марик... Перед тем, как бросить джинсы в стирку, полезла в карманы. А там — крошечный целлофановый пакетик с измельчённой травой.

«Наркотики!»

Еле дождалась сына с улицы. Перетрясла всю одежду, перевернула вверх дном комнату. Как она кричала, как умоляла его! Отхлестала полотенцем, рыдая и причитая в голос.

«Мам, да успокойся ты! Взят, чтоб парню передать. Я не принимаю, что я, дурак?»

«Заработать захотел? Денег мало? В тюрягу сядешь!»

Истерика нарастала. Марик пулей выскочил из квартиры.

«Я для него — никто! Ненужный я человек, конченный. Уродина».

Открыла коробку с лекарствами, стала глотать таблетки без разбора, пополам со слезами.

Почуял ли Марик беду? Или за вещами забежал? (Когда ругались, кричал он, что не может больше в этом кошмаре жить.)

Марик спас её. Вызвал «скорую», позвонил Олейчуку, тот поднял на ноги всех, кого возможно. Откачали Лену.

Эдик сказал: «Я мог бы упечь тебя в дурку и лишить родительских прав, но на первый раз прощаю. Запомни это и больше не чудесь».

И заржал как конь: «Бу-га-га».

Бессердечный циник! «Крупный рогатый скот», как говорит о нём Галя-всё-знает.

Лена совсем потерялась в жизни. Никакого про света. А Марик пустился во все тяжкие. Учится кое-как, где-то пропадает. Отбил от рук, мать слушает снисходительно, вполуха.

Однажды зазвонил телефон. Мужской голос, тренер по лёгкой атлетике: «У Марика способности. В него надо вкладывать деньги, силы. Готов хлопотать, чтобы вашего сына забрали в спортивный интернат, в школу олимпийского резерва».

Страшное волнение охватило Лену. Что делать? Держать Марика дома, возле юбки? Она с ним не совладает. Парню нужен пример, авторитет. Отправить «в люди», в интернат? Жалко! Заключают. Полусирота — отец то ли есть, то ли нету.

Не с кем посоветоваться. Олейчуку всё равно, он и слушать не стал: «Это ваши проблемы».

Позвонила Галя-всё-знает. И надо же, везение: у неё в этом интернате шурин работает. Галя пообещала, что за Мариком присмотрят, а будут обижать, так пусть к дяде Васе обращается, тот быстро шороху наведет. И, кстати, хорошо, что Лена позвонила, у Гали пропадают два билета профсоюзных — поездка в старинный город Гусев. Музей, прогулка, монастырь древний с чудотворным источником и парк этнографический. И всё — за копейки.

Лена так ни на одно свидание не собиралась, как в эту поездку. Сразу решила, что лицо никому показывать не будет. Платочком лёгким завесит, так, чтобы одни глаза были видны. Хорошо, что поездка паломническая, все женщины православные, не будут модничать.

Марика, правда, она не уломала. Стал прикидываться больным: мол, в голове у него гудит, в животе крутит, в автобусе укачивает, и вообще, что он там забыл?! Ясно дело: стесняется матери. Махнула рукой: пусть дома сидит! Она сколько лет никуда не выбиралась, ничего кроме больниц, грязных полов и унитазов не видела.

На сердце и тревожно, и радостно — всё какая-то перемена. Крестик она никогда не носила, а тут достала из шкатулки — мамин подарок. И цепочку к нему тонкую, серебряную. Лена иногда заходила в храм — свечки поставить. Хотя и не очень верила, что поможет, но — на всякий случай.

Место ей в автобусе досталось у окошка, и она, не отрываясь, смотрела: поля зелёные, перелески кудрявые, а вот серебристой змейкой мелькнула река, а вот серые домишки сиротливо притулились у дороги, а вот берега белая, резным листом изукрашена. Вот мужика на велосипеде они обогнали — к раме коса прикручена, а вот козы на лужке пасутся, и два козлёнка при них — белый и белый с черным пятнышком на боку.

Экскурсовод Федя, школьный учитель истории, старинный город Гусев подал с таким шиком, так задурил путешествующим голову царями, князьями, эпохами, что, кажется, в Париже и то меньше достопримечательностей. И облупленные фасады домов, и бедные улицы с побирушками, не говоря уж про краснокирпичные строения Введенского мужского монастыря — всё после рассказов Феди у паломников вызывало умиление.

Гостиница «Центральная», где их разместили, была самой простой — с обшарпанной, советской ещё мебелью, с истертыми покрывалами и разошедшимся паркетом. За стойкой регистрации сидела старушка в стеганой жилетке и вязала носок из козьей шерсти.

В номер Лену поселили вместе с Евдокией Мироновой, женщиной доброй и богомольной. Она сразу взяла шефство над ней: заставила снять с лица «занавеску», покормила лапшой быстрого приготовления (кипятильник и «сухой паёк» у Мироновны всегда при себе), напоила чаем и начертала план на завтрашний день.

— С утра нам дали свободное время, кто спать будет, кто на базар пойдет за деревенским маслом, оно тут славное, а мы с тобой, Ленушка, давай сходим в храм к ранней обедне. Наши пойдут позже, по расписанию. А я, гляди, ранние службы люблю! Ни толкотни, ни духоты, и на душе просторнее.

После хлопотливого дня Лена долго не могла заснуть. Как там Марик? По телефону отвечал — «всё нормально». Голодный небось сидит, хотя наготовила ему много, по кастрюлькам разложила, на бумажке всё написала.

Потом Лена стала вспоминать людей из автобуса. Федю, который так ловко «врал» и «заливал» про Гусев, благодатные семейные пары — видно, что люди не первый раз на богомолье выехали, двух девушек-подружек с нечистой кожей, отчего, наверное, они и жались по углам, всё время отходя в сторонку от группы. Глупенькие, посмотрели бы на Лену!..

Ранним утром шли они с Мироновой в храм. Горд Гусев, умытый скорым ночным дождём, сиял. Пахло липовым цветом, благоухали махровые пионы на самодельных клумбах. Соперничая, перекликались петухи во дворах, и так было свежо, легко, грустно и радостно — одновременно.

— Как пригож Божий мир! — вздыхала Евдокия Миронова. — Живи — не хочу!

В этом торжественном раздумье они вошли в старые монастырские ворота.

В храме было малоллюдно, две старухи с клюками сидели на длинной скамейке у стены, монашек монотонно читал непонятное из старинной толстой книги. Христос смотрел с высоты, из самого доньшка купола — горько-свободным, спокойно-величественным взором.

Пахло воском, ладаном, сыростью, луговыми травами (у некоторых икон стояли букеты из ромашек, колокольчиков).

«Вот и жизнь прошла».

Лена даже оглянулась в удивлении — будто вслух кто сказал.

Она прижалась лбом к прохладному кирпичу колонны, да так и замерла. Что-то строгое и печальное затянули певчие, а монашек всё читал и читал грустное и божественное по церковной книге.

— Пойдём, — трогая за плечо, сказала ей Миронова.

Лена повиновалась.

Они прошли мимо небольшой кучки верующих, свернули за колонны вправо и оказались в уютном крыле храма, отделенном от главной части. Возле высокого косоного столика стоял монах с усталым лицом, с опавшей черной бородой.

Миронова подвела Лену поближе к нему.

— Батюшка! Женщина эта никогда у исповеди не была.

Монах кивнул.

Лена осталась с ним наедине.

Молчание длилось.

— Вот, — сказала наконец Лена и убрала с лица «занавесочку».

Монах взглянул на её уродство, и ни одна чёрточка в нём не дрогнула, будто он каждый день видел такое чудо-юдо.

Стыд её сковывал. Она была не в силах разомкнуть губы.

— Я... Давно это было... Больше пятнадцати лет прошло... — Лена наконец заговорила и с ужасом слушала свой голос — чужой, заискивающий.

Она заплакала так горько, покаянно, что монах легонько коснулся её плеча, как бы предостерегая её, поддерживая.

— Аборт? — тихо, сочувственно спросил он.

Лена, всхлипывая, замотала головой.

— Измена?

Она кивнула.

— Говорите, вам легче будет. Не торопитесь.

Она закрыла глаза, и, выталкивая из себя слова, сбивчиво начала:

— Саша Темников... я обещала ждать его... письма друг другу писали мы...

Ни на экскурсию в краеведческий музей, ни на прогулку по вечернему Гусеву Лена не пошла. Лежала в номере, накрывшись простыней с головой. «Устала после службы, — объясняла Миронова любопытствующим. — Завтра в дорогу, сил набирается».

Отец Георгий тоже лежал пластом в своей узкой, похожей на пенал, келье. Отпросился у настоятеля — резко занемог после утренней службы. Головокружение, ноги подкашиваются. Ослабел что-то. «Может, перемена погоды или магнитная буря? — Настоятель в миру был геофизиком и климату придавал первостепенное значение. — Идите, отец Георгий, трапезу вам принесут».

Монах лежал на своем твердом ложе как в гробу — вытянувшись на спине, сложив руки на груди. Он глубоко и прерывисто вздыхал, вспоминая тяжелую исповедь.

«Как вы думаете, простит ли меня Саша?»

«Бог простит!»

«Может, мне найти его нужно?»

«Считайте, что вы его уже нашли. Если ваше раскаяние искренне, Бог его примет».

«А Саша?»

«Склоните голову, я сейчас прочитаю разрешительную молитву».

Отец Георгий встал и, тяжело шаркая, подошел к полочке с книгами. Отодвинул их в сторону, достал небольшой пакет. Снял целлофан, развернул желтую, потертую на сгибах газету.

Это были письма Лены, которые когда-то она присылала в армию Саше Темникову.

Отец Георгий стоял на коленях перед иконой Спасителя и, прижимая письма к груди, горько-горько плакал.

В гостях у «золотого миллиарда»

После суда над фашизмом Варвара Парамоновна вышла из школы с гудящей головой. Давно замечено: чем меньше педагогам платят, тем больше у них энтузиазма. Вон, вчера во вторых классах ставили мюзикл «Кошкин дом», сегодня десятиклассники три часа Гитлера прессовали.

Короткий день уже сменился серыми сумерками, и особенно мрачно в жалком освещении редких фонарей смотрелся облупленный фасад кипрянского «дворца знаний». Школа была приговорена к закрытию, и казалось, что старые стены чувствуют обреченность и уже смирились со своей незавидной судьбой.

— Что б ещё придумать, как изощриться, чтоб нас не выгнали, не оптимизировали?! — задумчиво-отчаянно выговорила Варвара Парамоновна.

— Всё равно закроют, ничто не спасёт — ни фашизм, ни холокост, — меланхолично откликнулась коллега-филолог Жанна Альбертовна.

Варвара вздохнула, покосившись на ухоженную словесницу — ей-то, понятно, всё по барабану, у неё муж обеспеченный, прокормит если что, она и на работу ходит, чтоб тряпки от моли пронашивать. А тут считаешь каждую копейку...

Но Жанну неожиданно понесло:

— А давай бросим всё, в Москву махнём!..

Варвара аж споткнулась на ровном месте, заохала:

— Я не могу, папа на мне, один живёт, он как малый ребёнок, два раза в день звоню, убирать и готовить езжу. А тебе зачем Москва? Ты ж там не выдержишь, столичных нагрузок не сдюжишь!

— Проживу! — жестко рубанула Жанна и скорбно поджала розовые губки. — Мне супругник ещё и доплатит, лишь бы я тут не болталась!

— А чего ж ты киснешь в нашем болоте? — ахнула Варвара.

— Боюсь, назад возврата не будет. У него в соседнем с тобой доме любовница молодая...

— ...да ты что?!

— Представь себе!.. И я за этой селёдкой ржавой надзираю, чтобы она моего кота мартовского (он и

по гороскопу Кот, и родился в марте — всё сходится!) не перетянула.

— Кто она? Не Люсьена ли из налоговой? — Варвара быстро перебрала соседей и сразу вышла на подходящую кандидатуру — одинокую долговязую брюнетку из «однушки» на первом этаже.

— Она! — с горькой ненавистью выговорила Жанна и разразилась таким страстным монологом, что и судьи Гитлера позавидовали бы.

«Однако..., — осмысливала Варвара обнажившийся любовный треугольник, — что с богатыми делается!.. На чувства от безделья потянуло. Лёгкие деньги — питательная среда для пороков».

Дома Варвара поужинала, включила телевизор. Репортёр вещал про забавы «золотого миллиарда» — кто яхту купил, кто клуб футбольный, а кто и манекенщицу импортную на Рублёвку завёз.

И тут затренькал мобильный. Звонил папа. Варвара еле разобрала слабый голос: мол, всё, кранты, «скорую» сам вызвал. «Помираю, не знаю, доживу ли до утра!..»

— Жди меня, на такси приеду!..

«На два дня оставила, и вот результат», — негодовала Варвара.

Машина тряско везла её по пустынным кипрянским колдобинам — тут яма, там «лежачий полицейский». «Что за люди дикие!.. Ну померяй ты давление, таблетку выпей. Сам видишь, что медицина вся угроблена, они к старым людям и не едут — им чем меньше народа, тем лучше, хоть вы все перемрите! Нет, «лекарства — это яд!..» А если тебя парализует, что я с тобой делать буду?!»

За десять минут, пока угрюмый таксист вез Варвару с одной окраины на другую, в частный сектор, в её воображении нарисовалось несколько страшных картин возможного развития папиного нездоровья. Некстати полезло в голову и трагикомическое: у кумы Полины свёкра разбил инсульт. Кума его выходила, он уже и по двору кое-как дрыбает. Полина рассказывала:

«Я ему говорю: папа, вы не вздумайте помирать! Мы на вашу инвалидную пенсию кормимся. А он: ой, дочка, буду стараться, тянуться! Молодец, вылез. А то хоть самим в гроб ложись — работы, сама знаешь, никакой». (После закрытия фельдшерского пункта кума сидела дома и жила натуральным хозяйством.)

Варвара подъехала, когда «скорая», бибикая, вырливалась от отцовской хаты. Папа лежал на диванчике после укола с совершенно погасшим лицом. Видя такой печальный расклад, Варвара даже не стала его запугивать опасностью небрежения к лекарствам — было ясно, что дело плохо.

Чтобы как-то заглушить тревогу и никудышнее, если не сказать отвратительное, настроение, Варвара взялась за уборку. Мелкие, суетливые движения отвлекали её от неприглядной правды жизни. Подмела полы, пыль вытерла, салфетки расправила, подушки на кровати в горнице взбодрила, подзор опера-

вила. Двинулась на кухню, тут и Барсик объявился, она ему каши овсяной в плошку — на, ешь. А он морщится, башкой крутит — до чего же нравный кот, прямо дворянин!.. Ну и ладно, иди отсюда, не голодный, значит.

Отец вроде оклемался, сел на диванчике. Голос подал:

— Весной огород дальний обязательно пахать надо...

— Какой тебе огород! — взвилась Варвара. — Только с того света вернулся! Кто эти плантации обрабатывать будет?!

— А земля пустует?! Это ж непорядок...

Началась привычная распря. Но спор шел вяло — отец был вымотан перенесенным потрясением, а дочь, чтоб не разволновать, перечила без обычного жара.

И тут Варвара услышала стон. Так кричат брошенные дети. Или это ветер воет за окном? А может, коты дерутся? Или почудился ей этот звук? Но через минуту стон повторился. Встревоженная Варвара открыла дверь в коридор и теперь ясно разобрала слабый кошачий вой с чердака.

— Пап, Барсик на горищах, слезть не может!..

— А я что ж? Снимать его буду?! — слабо хихикнул отец. — Во, дожили! Коты потеряли цепкость. Пропал мир!..

Пока отец сокрушался о судьбах погубленной прогрессом кошачьей популяции, Варвара двинулась по лестнице в темный зев чердачного отверстия. Барсик слабо упирался, когда она тащила его вниз. Бедняга весь дрожал, шерсть на загривке вздыбилась.

Варвара занесла кота в хату и поразились произошедшей в нём перемене: несчастное животное скрючилось и даже уменьшилось в росте. Барсик слабо стонал. «Отравился! — сразу поняла Варвара. — Хватил где-то крысиного яда!»

— Да что же это за день такой! — Она пришла в отчаяние. — Ни на минуту вас оставить нельзя, сразу падёж начинается! Кот — негожий, ты — негожий! Придётся опять такси вызывать, везти к ветеринару. Подыхает на глазах!..

Папа подозрительно пристально посмотрел на Варвару. Но ей недосуг было разбираться в оттенках родительских чувств: надо спасать Барсика! За окном темная ночь, поспею к ветеринару ехать бессмысленно.

Варвара натолкла в чашке активированного угля, разболтала водой, закачала раствор в резиновую грушу. Теперь предстояло самое трудное — заставить проглотить лекарство. Всунула наконечник в кошачью пасть и начала медленно вводить жидкость. Барсик, как ни странно, не сопротивлялся — то ли понял, что дела его швах, то ли у него не осталось сил на борьбу с медицинским насилием.

Наконец операция по обеззараживанию закончилась. Кот бессильно пал у её ног. Но Варвара понимала недостаточность своей реанимации:

— Попробовать покормить, что ли?

Схватила на руки, понесла к плошке с кашей. Против ожиданий, кот взбодрился и откусал с большим энтузиазмом. Он даже попросил добавки! «Хватит! — здраво рассудила Варвара. — А то будет заворот кишок». Она ликовала: оздоровление благородного животного вполне удалось.

И вот настал миг семейной идиллии: дочь и папа сидят в старых креслицах, а между ними на половине калачиком свернулся многострадальный кот. Глаза прикрыл, хвостом огородился. Телевизор тем временем толковал про тандем, преемника и альтернативу.

Варвара умиротворилась, а всё ж для профилактики отцовского мировосприятия завела привычную пластинку, что вот-де, если бы не её присмотр, то и папа, и кот давно были бы в иных мирах.

Папа всё выслушал смиренно, тихо вздыхая. Потом ехидно прищурился:

— Вот я гляжу на тебя, Варвара, ты всё с этим котом колготишься. А зачем? Это ж не наш кот.

— Как не наш? — опешила Варвара. (Ужасная мысль тотчас озарила её сознание: совсем папа сдал, вот уже и разумом путается.)

— А так, — рассудительно продолжил папа, — у нашего кота расцветка тигровее, полос больше на боках. И морда умная.

— Морда умная! — передразнила Варвара папу. — Тут любую морду от голода и от отравления потеряешь. Он же весь трясся, он — большой! А ты от него отрекаешься, — укорила Варвара папу.

— Да ничего я не отрекаюсь, — обиделся папа. — Я, если хочешь знать, без нашего Барсика жить не могу! Он меня лечит от тоски — на грудь ложится, на живот. Знаешь, как одному тяжело?! Но я тебе авторитетно заявляю: это не наш кот.

— А кто ж это тогда? — скептически спросила Варвара. — Преемник, что ли?

Папа спорить не стал, только рукой махнул: что с тебя, умной, взять!..

Варвара несказанно опечалилась: вот что старость с людьми делает — домашнего кота человек не признает. Того и гляди — она невесело усмехнулась — приедешь, а он у дочери родной спросит: «Ты кто?»

Горестные размышления прервал телефонный звонок.

— Что с папой? Как он? — это сестра Василиса объявилась. Варвара коротко доложила обстановку: мол, и папу отходила, и кота, а то было совсем худо.

Василиса пустилась в философствования:

— И за то слава богу — восемьдесят пять лет, а человек себя обслуживает. Между прочим, если ты в таком возрасте сам передвигаешься и в памяти, да ещё кот при тебе, значит, ты вошел в «золотой миллиард».

— Чё? Какой такой «золотой миллиард»? — возмутилась Варвара.

Но несерьезная (в папу) Василиска хихикнула и подтвердила — да, мол, папа в элите человечества, а

вот как у них с сестрой дела пойдут — это ещё вопрос.

Закончив бестолковый разговор, Варвара вспомнила, что не закрыла ворота на чепок. Неохота идти, а надо — ворья да лихого люда вокруг беззащитного «золотого миллиарда» полно.

Вышла на крыльцо и опешила: в круге света сидел Барсик!

Варвара схватила его на руки, вбежала в горницу.

— Папа! — вскричала она, показывая на кота, лежащего на половике. — А это — кто?!

Папа тонко, залиvisto хихикал, вытирая слёзы и приговаривая: «К ветеринару хотела везти... кота приبلудного... лекарствами поила... ой, не могу!..»

Уязвленная Варвара тоже начала смеяться. А коты, увидав друг друга, подобрались, зарычали. Они и впрямь были похожи как братья — оба нежной, серо-дымчатой масти, только Барсик побольше и, действительно, «тигровой» — полоски на боках у него шли чаще. Зато у приبلудного шерсть была гуще и пушилась.

— Как же он на чердак попал? — недоумевала Варвара. — Сколько он там, интересно, просидел? И куда нам девать этого «преемника»?!

Барсик презрительно смотрел на хозяев: он был в шоке от появления на его законном месте безродного пришельца.

— Ты когда приедешь? — звонил через день отец Варваре. — Коты меня разоряют, я не могу их содержать! Всю колбасу из холодильника отдал им. Приезжай, корми своего, я за него не отвечаю! Он теперь на пороге сидит, никуда не уходит.

Варвара повесила трубку, начала собираться.

Опять звонок! Жанна на проводе:

— Выйди, пожалуйста, глянь, стоит у соседнего дома серебристое авто с номером 169 УК? Куда моего супружника на ночь понесло, на какую такую «линию», где якобы «обрыв»? Пойди, посмотри, он уже должен доехать к ней.

— А если и тут, что ты делать будешь?!

— Не переживай, придумаю. Я ему устрою Куршавель, мало не покажется!..

«Да уж, — думала Варвара, спускаясь по лестнице. — На одну семью — два кота. На две семьи — один мужик...»

Путь стрелы

Зима удалась — снег был везде, белый, свежий. Его вывозили грузовиками, топили в специальных печах, выгребали с улиц скреперами, а он всё равно падал — ровно и нежно. Метели были длинные, мелодичные, иногда в них наступал желанный — для дворников и автомобилистов — перерыв, казалось, что всё — снег на небе закончился, но потом нака-

тывала особая, бездонно-безвременная пора, солнце слабым серебром просвечивало сквозь серую завесу, и снова, закрывая белый свет, деловито летели мелкие бессчетные снежины. Снега было так много, что лыжники, истосковавшись по нему в предыдущие, голые и тёплые зимы, теперь не успевали торить лыжню в парках — это был настоящий снежный потоп.

Продавцы мехов и шуб ликовали — товар наконец-то пошел на расхват. В моду сразу вошли валенки и угги — финские сапоги из овчины. Крепкие ночные морозы и стылые зимние дни заставили вспомнить здоровую домашнюю пищу — пельмени, борщи с чесноком, квашеную капусту, отварную картошку, тонко нарезанное сало с розовыми прожилками... Зима возвращала к прежней, почти что позабытой русской жизни — сосредоточенно-трудо-вой и ответственной.

Так миновал январь, наступил февраль. Ваня стоял в храме, в плотной толпе верующих, хор пел положенное по службе, слова сливались в торжественный и грустный плач. От дверей, которые то и дело раскрывались, впуская и выпуская народ, тянуло зябкой стужей, так что между лопатками у Вани стало неуютно-муторно. Он потихоньку стал продвигаться вглубь храма, вправо от дверей; здесь, у старой тёмной иконы, дружно горели свечи, и ему стало тепло и уютно. Народ стоял плотно, даже переkreститься можно было с трудом; Ваня сначала смотрел на опущенные затылки и платочки, а после — вверх, на роспись свода, где художник в темно-зелёной гамме с примесью коричневого цвета изобразил св. Иоакима. Дальше виднелся растительно-цветочный орнамент, архангел Гавриил со сложенными крыльями за плечами, надпись на старославянском «серафимы», другие изображения горних сил.

Хор пел, Ваня думал — душа его была стеснена и смущена. Душа тихо металась: он думал о том, что из тысяч и миллионов людей для поклонения избираются единицы, вот вроде св. Иоакима. Он думал, как неистребимо желание человека верить — подниматься над телесной и животной природой, искать истину, стремиться к прекрасному и сохранять его.

«А вдруг Бога нет? — в очередной раз ужаснулся он. — Вдруг это просто красивая легенда, утешительная сказка?» — эти мысли иногда посещали его, и в такие минуты он пугался, что потеряет веру и что его «духовный дом», выстроенный долгими раздумьями и оплаченный жизненными потерями, в одночасье рухнет.

Но потом он подумал, что все эти метания — лишь кокетство мысли: в храме было так тесно, так по-человечески дружно, что, казалось, для этой мощной совокупной силы нет ничего невозможного. Бог жил — высокий, непостижимый и неизведанный идеал. Человек искал благодати, это чувство давала только вера, сопричастность неземному и неизведанному, и потому человек упрямо, через сомнения, шел в храм.